

П. А. БЕРЛИН

Русские мыслители и евреи

Н. А. Бердяев

По своей исходной точке зрения Н. А. Бердяев в еврейском вопросе очень близко подходит к Вл. Соловьеву, привнося, однако, и свои особые историко-религиозные соображения. Для Н. Бердяева, как и для Соловьева, еврейский вопрос является вопросом христианским в глубоком смысле этого слова. Он всецело определяется христианским учением и из него неотвратимо вытекает его решение. Оставаясь верным христианству, на еврейский вопрос можно дать только один ответ — не с гуманитарной, а с религиозной точки зрения. Примыкает Бердяев и к взгляду Соловьева, учащему, что еврейство, выносив в своем лоне христианство как свое высшее задание и достижение, не поняло своей исторической миссии, отреклось от креста и Голгофы и в Христе не узнало и не признало своего Мессию.

Но, сходясь с Соловьевым в исходной принципиальной позиции по отношению к еврейскому вопросу, и в частности по отношению к антисемитизму, Н. А. Бердяев при этом внес в постановку и освещение этого вопроса много оригинальных, глубоких мыслей. По всему своему общефилософскому и религиозному миросозерцанию Бердяев подходит к этому вопросу не с позитивистической, не с гуманитарной и не с политической точки зрения, а с точки зрения религии и философии истории.

«Еврейский вопрос, — говорит Бердяев в «Христианстве и антисемитизме»¹, — не есть просто вопрос политический, экономический, правовой или культурный. Это вопрос неизмеримо более глубокий, религиозный вопрос, затрагивающий судьбы человечества. Это ось, вокруг которой вращается религиозная история. Тайнственна историческая судьба евреев. Непостижи-

мо самое сохранение этого народа и необъяснимо рационально» (с. 4).

Подобно Соловьеву, Н. Бердяев чужд всякого сентиментального филосемитизма. Он нисколько не закрывает глаза на большие недостатки в национальном характере евреев и их нынешнем эмпирическом облики, но это ни в какой степени не меняет его принципиального отношения к еврейскому вопросу. Для него как христианина и как философа истории антисемитизм представляет нечто недопустимое.

«Не имеет никакого принципиального значения, — говорит он, — вопрос о недостатках евреев. Нет нужды отрицать эти недостатки, их много. Еврейский народ полярно противоположных свойств, в нем соединены терты высокие с чертами низкими, жажда социальной справедливости со склонностью к наживе и капиталистическому накоплению. О еврейском народе, народе религиозного призвания, нужно судить по пророкам и апостолам, а не по еврейским ростовщикам» (там же, с. 6).

Поистине поразительно легкомыслие христиан — говорит он далее — которые считают возможным быть антисемитами. Христианство по своим человеческим истокам есть религия еврейского типа, т. е. типа мессианского, пророческого. Еврейский народ внес мессианский, пророческий дух в мировое религиозное сознание, этот дух был совершенно чужд греко-римской духовной культуре, как и культуре индусской. Арийский же дух не мессианский и не пророческий, ему чуждо еврейское напряженное чувство истории, чуждо ожидание явления мессии в истории, прорыва метаистории в историю.

Для Н. Бердяева, как и для Соловьева, еврейский народ не является народом, подобным другим народам, отличающимся от них только своими национальными особенностями. У этого народа не только своя национальная, но и вселенская миссия. Этот народ, по взглядам и Соловьева и Бердяева, отмечен печатью Божьей избранности, таинственной миссией, возложенной на него историей, и отягощенный тяжелою миссией, ношею не выполненного им исторического призвания.

«Евреи, — говорит Н. Бердяев, — не могут быть просто названы национальностью. Целый ряд признаков нации у евреев отсутствует, и есть признаки, которых у других наций нет. Еврей — народ особой, исключительной религиозной судьбы, избранный народ Божий, и этим определяется трагизм их исторической судьбы. Избранный народ Божий, из которого вышел Мессия и который отверг Мессию, не может иметь исторической судьбы, похожей на историческую судьбу других народов.

Этот народ скреплен и навеки объединен не теми свойствами, которые обыкновенно скрепляют и объединяют народы, а исключительностью своей религиозной судьбы. Христиане принуждены признать богоизбранность еврейского народа, этого требует христианское вероучение, они это делают неохотно и часто забывают об этом. Необычайно парадоксальна еврейская судьба: страстное искание земного царства и отсутствие своего государства, которое имеют самые незначительные народы, мессианское сознание в избранности народа и гонение со стороны других народов, отвержение креста как соблазна и распятие этого народа на протяжении всей его истории. Может быть, более всего поразительно, что отвергнувший крест его несет: те же, которые приняли крест, так часто распинали других» (там же, с. 8).

Н. Бердяев мог бы прибавить к этим прекрасным словам, что евреи, распявшие Христа, вышедшего из их среды и проповедовавшего, по их мнению, учение, которое они сочли за нарушение всех их божеских и житейских заветов, проклинаются и преследуются за это христианством целые века, тем христианством, которое провозгласило великие начала прощения и милосердия.

В книге «Смысл истории» Н. Бердяев высказывает ряд интересных и оригинальных мыслей о роли евреев как зачинателей понимания исторического процесса. Историческая идея, идея истерии как развертывающегося процесса, движущего человечество к иному будущему, принесена евреями. Для древних греков история представлялась как круговорот, не имеющий цели, не продвигающийся вперед к какому-то завершению. Сознание еврейства в отличие от сознания эллинского всегда было повернуто навстречу грядущему, осмысляющему и завершающему весь исторический процесс. Еврейский народ преисполнен был напряженного и нетерпеливого ожидания великого события, к которому, как к своему завершению, ведет и приведет история.

«Этот характер построения исторического процесса, — говорит Н. Бердяев, — конструировался впервые в еврейском сознании, здесь впервые появляется сознание “исторического”, и поэтому философия истории не в истории греческой философии, а в истории еврейства» («Смысл истории», с. 38).

Н. Бердяев подробно развивает эту идею, повторяя, что в этом отношении еврейский народ создал не только свою конструкцию истории, но и самое понятие истории не как идеи круговорота, как у греческих историко-философов, и не созерца-

тельного, а разворачивающегося, творимого процесса. Для эллинского мира история представлялась как застывший гармонический космос, а для еврейского она была полна движения, изменения, борьбы и в перспективе должна была завершиться великим событием, которое изменит всю судьбу человечества на земле.

Эта мессианская идея — говорит Н. Бердяев — и есть специфическая идея, свойственная исключительно еврейскому народу. Заметим, что развиваемая Н. Бердяевым идея о понимании истории как движущегося вперед процесса, впервые провозглашенная евреями, уже была высказана и подробно обоснована известным немецко-еврейским писателем, соратником Маркса Мозесом Гессом в его во многих отношениях замечательной книге «Рим и Иерусалим», вышедшей в 1869 году². Кстати, в социалистическом учении Маркса Н. Бердяев видит лишь новое, так сказать, светское воплощение все той же мессианской идеи, которое через драмы, борьбу создаст царство Божье на земле. Хотя Маркс крестился, был атеистом и материалистом, но в его социализме Бердяев усматривает все ту же, характерную для древних евреев религиозную идею мессианства, принявшую лишь свое земное воплощение. Н. Бердяев находит, что как бы Маркс в буквальном и переносном смысле ни отрепцивался от еврейства, у него звучит мотив еврейских пророков и он остается типичным евреем. Через всю историю еврейства от древнего времени, от еврейских пророков до Карла Маркса, видоизменяясь и перевоплощаясь, проходит все та же мессианская идея, все тот же волюнтаристический взгляд на исторический процесс как на целевой процесс.

«Еврейский народ, — говорит Бердяев, — есть по существу своему народ исторический, активный, волевой, и ему чужда та своеобразная созерцательность, которая свойственна вершинам духовной жизни европейских народов. Карл Маркс, который был очень типичным евреем, в поздний час истории добивается разрешения все той же древнебиблейской темы: в поте лица своего добывай хлеб свой. То же еврейское требование земного блаженства в социализме Карла Маркса сказалось в новой форме и в совершенно другой исторической обстановке. Учение Маркса внешне порывает с религиозной традицией еврейства и восстает против всякой святыни. Но мессианскую идею, которая была распространена на народ еврейский как избранный народ Божий, Карл Маркс переносит на класс — на пролетариат. И подобно тому как избранным народом был Израиль, теперь новым Израилем является рабочий класс, кото-

рый есть избранный народ Божий, народ, который призван освободить и спасти мир. Все черты богоизбранности, все черты мессианства переносятся на этот класс, как некогда перенесены они были на народ еврейский. Тот же драматизм, та же страстность, та же нетерпимость» (там же, с. 109).

Вряд ли можно согласиться с таким внешне соблазнительным и убедительным уподоблением классового социализма Маркса учению библейских пророков и ожидания прихода Мессии — ожиданию воцарения социализма. Соблазнительное сближение избранного народа с избранным классом (пролетариатом) у Маркса и объяснение этого тем, что Маркс оставался типичным евреем и бессознательно явился наследником древнееврейских пророков, едва ли основательны. Прежде всего, пролетарский классовый социализм не был изобретен Марксом, хотя Маркс и явился его крупнейшим теоретиком. У Маркса в этом направлении было много предшественников и современников-христиан, так что идея пролетарского социализма не есть еврейская идея. Что касается Маркса, то тут скорее влияние не еврейских пророков, а немецкой философии, Гегеля, учившего, что дух мировой истории в своем поступательном шествии воплощается то в одном, то в другом избранном народе истории и возлагает на него великую вселенскую миссию быть знаменосцем и завершителем великой исторической идеи.

Вся конструкция у Маркса самой идеи класса пролетариев, как воплощавшего великую мировую идею социализма, шествующего к торжеству и господству, сделана по образцу гегелевского исторического духа, будучи при этом лишена того глубокого этического и религиозного пафоса, которым дышат проповеди еврейских пророков и неотделимы от них. Это подтверждается и тем фактом, что русские славянофилы, а также и Достоевский, будучи тоже учениками немецкой философии, несмотря на все различие с мирозерцанием Маркса, тоже построили схему, где оказался и избранный народ-богоносец (русский народ), воплощающий великую историческую миссию разрешить во вселенском масштабе и религиозную и социальную правду, и где тоже особый социальный класс (русский крестьянин) является носителем правды и справедливости и призван сказать спасающее слово всему миру. Это носилось в общем философском воздухе той эпохи, которым одновременно дышали и Маркс и русские славянофилы при всем глубоком между ними различии. Это несколько не мешает тому, что, по справедливому замечанию Н. Бердяева, Маркс, несмотря на все свои отречения от еврейства, не мог совлечь с себя Ветхого

Завета. Идеал социализма Н. Бердяев связывает со всем мирозерцанием иудаизма в его характерных особенностях. Тут сказывается общее миропонимание иудаизма, стремящегося устроить счастье людей на земле, устранить всякий разлад между идеалом и действительностью.

«Ожидание чувственного царства Божьего на земле, — говорит Бердяев в «Философии неравенства», — есть еврейский хилиазм. Евреи ждали Мессию, земного царя, который устроит на земле блаженное царство Израиля. И они отвергли Мессию, который явился в образе раба и учил, что Царство его не от мира сего. Мессия распятый есть вечная противоположность Мессии, осуществляющему царство Божье на земле, приносящему земной рай. Утопия социального земного рая есть переживание еврейского хилиазма. Материалистический ее характер не должен закрывать от нас ее острых религиозно-иудаистических истоков. Христос распятый противится хилиастической утопии, проникшей в христианский мир и отвергающей его. Весь мир должен пройти через распятие, Голгофу, прежде чем наступит царство Божье, царство Христово. Без свершения до конца тайны искупления человечество и мир не войдут в царство Божье. А это значит, что царство Божье есть совершенное преобразование мира, переход в иное измерение бытия. Еврейский хилиазм хочет мессию-царя, который осуществит царство Божье на земле без креста и распятия. И еврейский хилиазм забывает Христа Распятого и хочет перескочить через искупление в чувственное тысячелетнее царство Христово на старой еще земле, под старым еще небом».

В этих словах Н. Бердяев противопоставил еврейский «хилиазм», практически сказывающийся в стремлении устроить на старой грешной земле без искупления справедливую, счастливую, сытую жизнь, — христианскому аскетизму, готовому принять крест и Голгофу, открывающие райские врата. Позволим себе только заметить, что еврейство берет здесь в его реальном воплощении, христианство же в «писании» или избранных его носителях. Мы знаем множество евреев, борющихся за царство Божье на земле и несущих свой тяжелый крест. Эта их борьба находится в полной гармонии со всем их «хилиазмом», как говорит Бердяев, со всем их миропониманием. Мы знаем и множество христиан, ведущих ту же борьбу под тем же, в сущности «хилиастическим», знаком, но у христиан это не вяжется с их религиозной верою, противоречит ей. Но знаем ли мы христиан как массовое движение, которые готовы нести крест и пройти через искупление, прежде чем им откроются врата

будущего царства Божьего? Христиане, борющиеся за лучшее будущее на сегодняшней земле, вряд ли чувствуют в этом возвращение к истокам еврейской веры. Конечно, нынешнее социалистическое движение питается не еврейским хилиазмом, а проснувшимся и растущим социалистическим сознанием народных масс и экономическим прогрессом, позволяющим осуществить эти властные и нарастающие требования социальной справедливости. Но если нынешнему социализму неправильно было бы выдавать еврейское метрическое свидетельство, то прав Бердяев, сближающий современное социалистическое движение по типу его исконного мирозерцания с еврейским «хилиазмом», т. е. со стремлением иудейства устроить царство Божье не только внутри, но и в мире сем. Для христианства, такого как оно существует в Писании, в вероучении, нынешний социализм по своим мотивам и целям, по своему земному замыслу и смыслу чужд. Христианство принимает его под давлением народных масс, не выдвигая вопроса об искуплении, о Голгофе, что должно предварить вопрос об устройении человека на земле. «Христианский» социализм, поскольку он охватывает народные массы, отличается от светского социализма только тем, что его адепты — религиозно верующие люди, но, конечно, и они не откладывают устройства человека на земле до искупления и Голгофы.

Все это только доказывает, что еврейская религия в несравненно большей степени, чем христианская, оказалась способной вместить в себя нынешнее социальное движение, все шире охватывающее весь мир, при этом нисколько и ничем не поступаясь от начал своей веры и, наоборот, давая ей новое и мощное подкрепление. В этой жизненности и земности одно из проявлений и одна из причин исторической живучести еврейского народа. Его «хилиазм» — выражаясь излюбленным словом Бердяева — оказался, несмотря на древнейшее дохристианское происхождение, созвучен современной эпохе и ее основной борьбе...

«Идея социальной справедливости, — говорит Н. Бердяев, — была внесена в человеческое сознание главным образом еврейством. «Арийцы» легко примирялись с социальной несправедливостью. Древнееврейские пророки были первыми, требовавшими правды и справедливости в социальных отношениях людей, они защищали бедных и угнетенных. Библия повествует о том, что происходит периодический раздел богатств, чтобы богатства не сосредоточивались в одних руках и не было бы резкого различия между богатыми и бедными» («Христианство и антисемитизм», с. 23).

Я уже отметил, что и для Н. Бердяева, как и для Вл. Соловьева, отношение к еврейскому вопросу всецело предопределяется христианским вероучением, исключаяющим самую возможность постановки вопроса о расовой борьбе и антисемитизме. Но, хотя для Н. Бердяева отношение к антисемитизму всецело вытекало из христианского вероучения и, таким образом, было обязательно применимо для всех времен и народов, это, конечно, не мешало ему останавливаться на конкретном проявлении антисемитизма в России и не ограничиваться просто ссылкой на христианскую веру.

«Русские антисемиты, — говорит Н. Бердяев, — живущие в состоянии аффекта и одержимые маниакальной идеей, говорят, что евреи правят сейчас Россией и гонят там христиан. Это фактически неверно. Совсем не евреи по преимуществу стояли во главе воинствующего безбожия, русские играли в этом очень большую роль. Я даже думаю, что существует русский воинствующий атеизм как явление специфически русское. Русский барин, анархист Бакунин был его крайним и характерным выразителем. Таков же был Ленин. Неверно и то, что Россией правят евреи. Главные правители не евреи, видные евреи-коммунисты расстреляны или сидят в тюрьмах. Троцкий есть главный предмет ненависти. Евреи играли немалую роль в революционной интеллигенции, это совершенно естественно и определялось их угнетенным положением. Что евреи боролись за свободу, я считаю их заслугой. Что евреи прибегали к террору и гонениям, я считаю не специфической особенностью евреев, а специфической и отвратительной особенностью революции на известной стадии ее развития. В терроре якобинцев евреи ведь не играли никакой роли. Евреи же наполняют собою и эмиграцию. Я вспоминаю, что в годы моего пребывания в Советской России, в разгар коммунистической революции, еврей, хозяин дома, в котором я жил, при встрече со мною часто говорил: “Какая несправедливость, вы не будете отвечать за то, что Ленин русский, я же буду отвечать за то, что Троцкий еврей”». Подвергая критике антисемитизм русских революционных кругов, Н. Бердяев при этом, однако, резко отзывается и о постановке и решении еврейского вопроса советским правительством. В книге «Философия неравенства» Н. Бердяев, под жутким впечатлением советских опытов над людьми, написал страстные и прекрасные слова о достоинстве и неприкосновенности человеческой личности, справедливо доказывая, что советский режим совершенно несовместим со свободой и самоценностью личности человека. Говоря при этом о еврейс-

ком вопросе, казалось бы, самым коренным образом разрешенным в Советской России, Н. Бердяев доказывает, что вопрос этот там не только не разрешен, но совершенно не понят, глубоко и оскорбительно искажен в своей самой сокровенной сущности. Если при этом Н. Бердяев заволакивает метафизическим туманом реальную государственную постановку вопроса, смешивая государственный и философский подход к вопросу, то все же нельзя не признать, что он наносит тут сильные и смелые удары не только советскому, но и всякому вообще поверхностному разрешению еврейского вопроса.

Обращаясь к советскому правительству, Н. Бердяев говорит: «Вы очень чувствительны к еврейскому вопросу. Вы боретесь за права евреев, но чувствуете ли вы “еврея”? Чувствуете ли вы душу еврейского народа, проникли ли вы когда-либо в эти тайны, в эти таинственные судьбы еврейства, восходящие к древним истокам человечества?.. Нет, ваша борьба за евреев не хочет знать еврейства, не хочет признавать существование еврейства, она есть лишь интернациональная борьба за уравнение, борьба за человека абстрактного. Вы не знаете конкретного человека в плоти и крови, в роде и племени, человека национального.

Я не хочу угнетать еврея и еврейское, но не хочу освобождать отвлеченно, как абстракцию, человека, теряющего все свое еврейство.

Я глубоко чувствую еврея и еврейство, всю особенность и неповторимость еврейской судьбы, всю исключительность и непреодолимость ее. Это мое чувство переходит в сочувствие. Но я не верю в уравнительное и спасительное разрешение еврейского вопроса.

Если вы хотите прикоснуться к тайнам национального бытия, то задумайтесь глубже и серьезнее над еврейским вопросом. Если неистребимая, неповторимо оригинальная и таинственная сила еврейства в истории не дает вам чувства национальности, то вы безнадежны. Вы придумываете разные способы решения еврейского вопроса, чтобы угасить всю остроту этого вопроса. Но вы бессильны даже подойти к этому мировому вопросу. Вам никогда, никогда не справиться с “еврейством”, оно сильнее всех ваших учений, всех ваших смещений и упражнений. Еврейство существует в мире для того, чтобы доказывать всем народам существование тайны национальной и тайны религиозной. Поистине слишком легко и поверхностно рассуждают и филосемиты, и антисемиты. На большой глубине надо брать этот вопрос. На этом народе чувствуется борьба Божья в

истории. Еврейство имеет свою миссию в мировой истории, и миссия эта переходит за границу национальной миссии» («Философия неравенства», с. 73).

В этих страстных словах, адресованных советскому правительству, сказалась шуйца и десница блестящего русского философа. Рассматривая вопросы, в том числе и еврейский, «на большой глубине», Бердяев поднимает при этом чрезвычайно тонкие и сложные вопросы, но ставит их вне времени и пространства, за метафизикой упускает физику, за метаполитикой не видит политики. Если бы он свой монолог адресовал только Ленину как философу и социологу, то это было бы как нельзя более справедливо, так как взгляды Ленина на национальный вопрос вообще, и на советский в частности, как мы увидим далее, отличались большою поверхностностью и упрощенчеством. Но Бердяев обращается к советскому правительству, которое в еврейском вопросе стало на совершенно правильную позицию, — ту, которую еврейский народ только и может ждать и требовать от всякого иного правительства. Н. Бердяев ставит правительству задачу и обязанность — дать евреям полное уравнение в правах, но и сверх того — углубиться в рассмотрение и понимание «таинственной силы еврейства в истории», его биологической природы, его миссии в истории и т. д. Но если правительства при обсуждении и решении еврейского вопроса будут становиться на эту углубленную религиозную, или исторически-философскую, позицию, то это таит в себе огромные опасности. Ведь и Гитлер по еврейскому вопросу стоял на позиции оценки «таинственной силы еврейства в истории», его исторической миссии и т. д., только он вкладывал в это совершенно иное содержание, чем Н. Бердяев, и поступал соответственно. Конечно, если во главе правительства будут стоять люди, так чувствующие и понимающие христианство, как Вл. Соловьев и Н. Бердяев, то эта «большая глубина», к которой призывает Н. Бердяев, позволит им поставить и решить еврейский вопрос во всей его широте и глубине на великое благо евреев. Но, к сожалению, во главе правительства не стоят Соловьевы и Бердяевы, и лучше будет, чтобы правительства решали еврейский вопрос не столь углубленно. Как рискованно при рассуждении по национальному вопросу слишком углубляться в общие рассуждения, показывает такой пример.

«Ваш принцип “право самоопределения национальностей”, — пишет Н. Бердяев, обращаясь к советскому правительству в «Философии неравенства», — столь опoшленный в русской революции, есть антиисторическая абстракция, выдуманная теми,

которые отрицают ту неповторимую реальность, которая имеет национальность. Каждая национальность в разные периоды своего существования имеет равные права. Эти права не могут быть уравнены. Существует сложная иерархия национальностей. Бессмысленно и нелепо уравнивать права на самоопределение русской национальности и национальности армянской, грузинской или татарской.

Вопрос о правах самоопределения национальностей не есть вопрос абстрактный, юридический. Это вопрос биологический или, в конце концов, мистико-биологический. Он упирается в национальную жизненную основу, которая не подлежит никакой юридической или моральной рационализации. Все исторические национальности имеют совершенно различные, неравные права, и они не могут предъявлять одинаковых претензий. В историческом неравенстве национальностей, неравенстве их национального веса, в историческом преобладании то одних, то других национальностей есть своя большая правда, есть напоминание нравственного закона исторической действительности».

Но разрешим ли, однако, вообще еврейский вопрос, если брать его во всем объеме? Отвечая на это, Н. Бердяев указывает на всю глубокую трагичность этого вопроса. «Он не разрешим, — говорит он в очерке «Христианство и антисемитизм», — просто путем ассимиляции. В это разрешение верили в девятнадцатом веке, и это делало честь гуманности века. Но мы живем совсем не в гуманном веке, и события нашего времени дают мало надежды на разрешение еврейского вопроса путем слияния и растворения еврейства в других народах. Да и это означало бы исчезновение еврейства. Немного надежды также на разрешение еврейского вопроса путем образования самостоятельного еврейского государства, т. е. путем сионизма. И на собственной древней земле евреи испытывают преследования. Да и такое решение представляется противоположным мессианскому сознанию еврейского народа. Еврейский народ остается народом-странником. Можно было бы сказать, что судьба еврейского народа эсхатологическая, она разрешима лишь в перспективе конца времени».

Н. Бердяев полагает, что еврейский вопрос был бы разрешен, если бы евреи признали в Христе Мессию и пошли за ним. В этом отношении он вполне сходится с Вл. Соловьевым. И для Н. Бердяева, как и для Соловьева, еврейский народ совершил трагическую ошибку, отвернувшись от того величайшего венчания и завершения всей его великой истории, кото-

рое представляло явление Христа. Но, как я уже указывал, говоря о Соловьеве, христианство пришло не исполнить, а нарушить весь еврейский и религиозный и житейский завет, и, признав и приняв по убеждению христианство, уверовав в Христа и в его учение, еврейство перестало бы существовать и как религия, и как нация.

